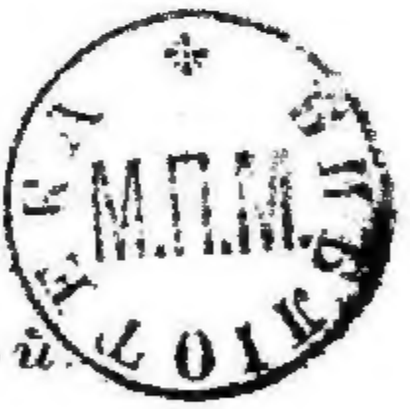
Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. № 544.

НАША ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

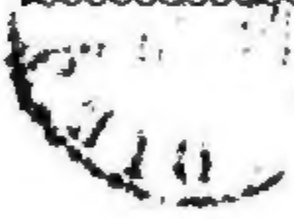
1812 г.



СОСТАВЛЕНО
А. Архангельской.

Москва, 1891.
Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ.
Моховая, д. Торлецкой.

Дозволено цензурою. Москва, Іюля 18 дня 1891 года.



2007112026

НАША ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г.

Много разныхъ враговъ нападало на Россію въ продолженіе ея тысячелѣтняго существованія. Кто, кто не грабилъ, не полонилъ ея? Разоряли и держали подъ своею властію цѣлыхъ два съ половиною столѣтія Татары, нападала Литва, воевали Поляки. Однако отъ всѣхъ своихъ враговъ она съумѣла отдѣлаться при твердомъ упованіи на помощь Всевышняго, да при непоколебимой любви и преданности къ князьямъ и царямъ своимъ.

При нашествіи непріятеля обыкновенно всѣ русскіе, какъ одинъ, готовы идти въ бой, идти на защиту своей родины, которую крѣпко любитъ всякій русскій человѣкъ.

Да какъ и не любить ея!

Вѣдь мы родились въ ней, въ ней все для насъ родное, знакомое: и языкъ, и нравы, и обычаи.

Какъ не любить ея, когда она, какъ мать, вспоила насъ своей водою, вскормила своимъ хлѣбомъ; она же прикроетъ и наши кости своею землею, когда намъ придетъ пора заснуть на вѣки.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ владычествовали надъ нами Татары; не мало уже протекло лѣтъ со времени нападенія Литвы и Поляковъ; самымъ же послѣднимъ врагомъ, желавшимъ завладѣть нашею землею, были Французы, нагрянувшіе на Россію въ 1812 году.

И до сихъ поръ еще можно встрѣтить стариковъ, которые, если не сами видѣли, что дѣлалось у насъ въ 12 году, то слышали отъ очевидцевъ и не мало могутъ разсказать объ этой тяжкой годинѣ для всей земли русской.

Кромѣ того, много записано умными людьми о томъ, что и какъ было у насъ въ то время.

Позаимствуемся и мы у нихъ, да разскажемъ, хотя вкратцѣ, о нашей великой отечественной войнѣ.

Императоромъ россійскимъ былъ тогда Александръ Павловичъ, а французами правилъ императоръ Наполеонъ I-й.

Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно властолюбивый, гордый, желавшій, чтобы все покорялось его волѣ, и имѣвшій необыкновенную страсть къ завоеваніямъ.

Вступивъ на престолъ, онъ тотчасъ началъ воевать, покорилъ много небольшихъ княжествъ, ходилъ даже въ Африку, завоевалъ слишкомъ двадцать разныхъ народовъ и затѣмъ рѣшилъ, во чтобы то ни стало, покорить Россію, которая была самымъ могущественнымъ государствомъ въ Европѣ.

Родомъ Наполеонъ былъ не французъ, а итальянецъ, сынъ небогатаго генерала съ острова Корсики, поэтому онъ не жалѣлъ своихъ подданныхъ, которые погибали десятками и сотнями тысячъ въ дальнихъ, изнурительныхъ и тяжкихъ походахъ.

Наполеонъ еще раньше 12 года не ладилъ съ нашимъ государемъ, не исполнялъ разныхъ договоровъ, распоряжался чужими владѣніями, какъ своимъ собственнымъ добромъ, отнималъ ихъ у законныхъ наслѣдниковъ и отдавалъ своимъ родственникамъ, или прямо присоединялъ къ Франціи.

Такъ онъ поступалъ между прочимъ и съ герцогомъ ольденбургскимъ, который приходился родней нашему государю.

Александръ I-й высказалъ свое неудовольствіе по этому поводу, однако Наполеонъ не только не обратилъ никакого вниманія на это, но сталъ даже явно выказывать свою непріязнь къ Россіи. Подбивалъ Швецію идти на насъ и началъ собирать войска.

Число войскъ достигало у него въ то время до 600 тысячъ человѣкъ, и большая часть его состояла изъ разныхъ покоренныхъ имъ народовъ. Этому то громадному и разноплеменному полчищу Наполеонъ объявилъ 10 іюня 1812 года, что онъ идетъ на Россію, которая должна покориться ему, какъ покорились прочія страны.

— Впередъ! Перейдемъ рѣку Нѣманъ и внесемъ наше оружіе въ предѣлы Россіи! сказалъ онъ войску, уже сдвинутому къ Нѣману.

И на самомъ дѣлѣ, съ 11-го на 12 іюня заколыхались мосты на Нѣманѣ, двинулась многочисленная сила, гремя ружьями и саблями, потянулись обозы съ разными запасами. Враги вторглись въ наши области, перейдя рѣку между городами Ковно и Гродно. Тутъ Наполеонъ раздѣлилъ свою армію, одну часть направилъ

къ Сѣверу, а самъ съ главной силой устремился къ Москвѣ.

Между тѣмъ и наши не дремали. Узнавъ еще ранѣе о намѣреніи французовъ, они стали готовиться къ оборонѣ.

Государь былъ въ Вильнѣ во время вторженія непріятеля и немедленно послалъ приказъ арміи, въ которомъ говорилъ, что онъ не имѣетъ надобности напоминать солдатамъ о ихъ долгѣ, потому что въ ихъ жилахъ течетъ славянская кровь, славная своими побѣдами.

— Воины! писалъ онъ,—вы защищаете вѣру, отечество, свободу, я съ вами, а на зачинающаго Богъ!

Нашего войска, готоваго въ то время къ сраженію, было около 200 тысячъ человѣкъ. Оно раздѣлялось на двѣ арміи, изъ которыхъ одна находилась въ Виленской губерніи подъ начальствомъ умнаго и опытнаго генерала Барклай-де-Толли.

Другая—была въ Гродненской губерніи, ею командовалъ князь Багратіонъ, любимецъ знаменитаго полководца Александра Васильевича Суворова.

Барклай-де-Толли былъ человѣкъ чрезвычайно опытный, но сухой, недовѣрчивый, не умѣвшій не только расположить къ себѣ солдатъ,

но и говорить съ ними понятнымъ для нихъ языкомъ.

Поэтому солдаты и народъ не любили его, что, можно сказать, было несчастіемъ въ виду такой тяжелой приближающейся невзгоды. Барклай-де-Толли съ самаго вторженія французовъ находилъ, что нельзя вступать въ рѣшительный бой съ такимъ многочисленнымъ непріятелемъ, а нужно понемногу ослаблять его силы и отступать внутрь Россіи. Но такія распоряженія не нравились войску, не понимавшему расчетовъ осторожнаго генерала.

Между тѣмъ князь Багратіонъ, командовавшій второй арміею, былъ любимцемъ войска за свою простоту и храбрость. Онъ умѣлъ обходиться съ солдатами, умѣлъ воодушевлять ихъ, хотя былъ далеко не такъ опытенъ въ военномъ дѣлѣ, какъ Барклай-де-Толли.

Такое положеніе двухъ армій на одной и той же войнѣ подъ начальствомъ двоихъ столь разнохарактерныхъ полководцевъ имѣло нѣкоторыя неудобства. Случалось, что каждый изъ полководцевъ заботился лишь о своей части войска и часто не обращалъ вниманія на тѣ затруднительныя обстоятельства, въ какихъ находилась другая.

Государь, узнавъ о грамадной силѣ непрія-

теля, превышавшей почти втрое наше войско, обратился съ воззваніемъ къ первопрестольной Москвѣ, а потомъ и ко всему русскому народу. Онъ приглашалъ гражданъ соединиться и общими силами отразить непріятеля.

— Соединитесь всѣ, писалъ онъ въ своемъ рескриптѣ, съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, тогда никакія человѣческія силы не одолѣютъ васъ!

На это воззваніе всѣ русскіе откликнулись какъ одинъ человѣкъ. Отовсюду посыпались приношенія: жертвовали бѣдные и богатые, жертвовали духовные и свѣтскіе, жертвовали церкви и монастыри, при чемъ одна Троице-Сергіевская лавра пожертвовала 10 тысячъ рублей. Одни жертвовали оружіемъ, другіе хлѣбомъ, деньгами, такъ что въ небольшой промежутокъ времени собралось до 160 милліоновъ рублей, и государь запретилъ дальнѣйшія пожертвованія. Затѣмъ дворяне стали собирать ополченіе, и скоро образовалась новая армія слишкомъ въ 320 тысячъ человѣкъ, готовыхъ сразиться съ врагомъ и положить свои головы за вѣру, царя и отечество.

Одна Москва поставила 80 тысячъ ополченцевъ, и когда государь посѣтилъ ее, то жи-

тели встрѣтили его съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, и тысячи голосовъ кричали ему:

— Возьми, государь, все на защиту отечества! Возьми нашу жизнь, наше имущество! Веди насъ, куда хочешь! Умремъ, или побѣдимъ!

Теперь всѣ, отъ мала до велика, только и думали о спасеніи отчизны, и народъ просилъ солдатъ повѣстить лишь, когда приблизится непріятель, такъ какъ готовъ былъ сжечь свои дома со всѣмъ добромъ, но не давать его въ руки французамъ.

Такая готовность и любовь къ отчизнѣ подданыхъ глубоко тронула государя: онъ видѣлъ, что съ ней не трудно будетъ побѣдить всякаго, даже болѣе многочисленнаго врага, чѣмъ Наполеонъ.

II.

Пока происходили пожертвованія да сборы ополченцевъ, стычки нашихъ съ непріятелемъ давно ужъ начались.

Барклай-де-Толли хотя и отступалъ, по заранѣе обдуманному плану, но отряды его без-

престанно наталкивались на французскіе полки, появлявшіеся то съ одной, то съ другой стороны. Наполеону хотѣлось совершенно разъединить наши арміи, разбить ихъ поодиночкѣ и тогда двинуться въ Москву.

Онъ пошелъ съ главной силой къ Витебску, куда поспѣшилъ и Барклай съ своей арміей, рѣшивъ дать, наконецъ, настоящее сраженіе.

Барклай поджидалъ теперь только Багратіона, но вдругъ получилъ извѣстіе отъ него, что второй арміи невозможно пробраться къ Витебску и что Багратіонъ направился къ Смоленску. Тогда Барклай-де-Толли тотчасъ приказалъ своимъ войскамъ принять тоже направленіе, боясь какъ бы Наполеонъ и на самомъ дѣлѣ не оттѣснилъ его отъ остальнаго войска.

Между тѣмъ Наполеонъ, узнавъ о новомъ направленіи, принятомъ русскими, пошелъ слѣдомъ за ними и вступилъ въ Смоленскую губернію. Но теперь его армія была далеко уже не та, какъ при переходѣ черезъ Нѣманъ.

Его разноплеменные, измученные долгими переходами новобранцы стали заболѣвать, отставали отъ Великой арміи и чувствовали недостатокъ въ продовольствіи, да и народъ смотрѣлъ здѣсь на французовъ еще болѣе враждебно, чѣмъ въ Литвѣ.

Помѣщики вооружили чѣмъ попало свою дворню, кого ружьемъ, кого топоромъ, а съ легкой руки смолянъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи дѣлалось тоже самое; такимъ образомъ, вспыхнула народная отечественная война.

Появилась необученая конница, пѣхота изъ крестьянъ, гдѣ были не только старики и подростки, но даже бабы, не дававшія при случаѣ спуска французамъ и храбро защищавшіяся вилами и рогатинами. Не смотря однако на все это, Наполеонъ все ближе и ближе подвигался къ Смоленску, но русскій отрядъ подъ начальствомъ Невѣровскаго задержалъ его при городѣ Краснымъ и этимъ далъ возможность Раевскому поспѣть съ своимъ корпусомъ къ Смоленску во время и занять его. Четвертаго августа Раевскій съ 16-тысячнымъ войскомъ отбилъ приступъ 200-тысячной арміи непріятеля.

Русскіе воины показали себя въ этомъ дѣлѣ необыкновенно храбрыми, твердыми и неустрашимыми. Они безропотно умирали среди пламени на развалинахъ роднаго города, разгромленнаго тысячами пушечныхъ ядеръ и гранатъ, но не пустили въ него французовъ до самой полуночи. Оставшіеся же въ живыхъ вышли изъ него только по приказанію командировъ. Такимъ образомъ, Смоленскъ былъ уже

почти уничтоженъ, когда въ него вступилъ Наполеонъ. Вмѣсто прежнихъ 2000 домовъ теперь едва-едва можно было насчитать 300, а остальные представляли лишь груды пепла; улицы чуть не сплошь оказались покрытыми тѣлами убитыхъ и раненыхъ, всѣ съѣстные припасы, какіе оставались въ городѣ и въ которыхъ такъ нуждалась армія Наполеона, уничтожены огнемъ.

Вступивъ въ Смоленскъ, французскій императоръ понялъ, что воевать съ Россіей далеко не такъ легко, какъ съ другими народами, и невольно задумался.

Онъ завелъ было даже переговоры о мирѣ черезъ однаго изъ нашихъ плѣнныхъ генераловъ, говорилъ, что намъ же будетъ хуже, если французы займутъ Москву. Но русскіе не испугались такой угрозы и не дали никакого отвѣта на его предложеніе.

Тогда онъ двинулся къ первопрестольной столицѣ. Между тѣмъ Барклай-де-Толли успѣлъ во время соединиться съ Багратіономъ и продолжалъ отступать къ Москвѣ; не многіе однако понимали цѣль этаго умнаго генерала, старавшагося всѣми силами о сохраненіи ввѣреннаго ему войска. Солдаты грустно и безмолвно направлялись къ Москвѣ: они ждали боя подъ Смоленскомъ и теперь роптали на своего командира.

—Нѣтъ, братцы, тутъ дѣло нечисто, разсуждали рядовые,—генералъ нашъ не русскій, его сердце не болитъ о Россіи. Намъ бы грудью отстаивать и границу, и Смоленскъ, а не дальше пускать супостата!

Багратіонъ былъ тоже недоволенъ теперь отступленіемъ. Наконецъ, дошла и до государя вѣсть объ общемъ ропотѣ и неудовольствіи на Барклай-де-Толли за его военныя распоряженія и государь, хотя самъ вѣрилъ Барклай-де-Толли и уважалъ его, но благодаря всеобщему недовольству, принужденъ былъ назначить новаго главнокомандующаго и уже одного на всю армію. Выборъ его при этомъ палъ на 67-лѣтняго старика, Михаила Иларіоновича Кутузова. Кутузовъ былъ хорошо извѣстенъ своими походами противъ турокъ. Всѣ еще живо помнили, какъонъ, благодаря своей смѣтливости, вызвалъ на битву 40-тысячную турецкую армію близъ Рущука и нанесъ ей сильное пораженіе. Затѣмъ онъ заставилъ турокъ преслѣдовать наше войско, заставилъ ихъ перейти Дунай и здѣсь, зайдя въ тылъ непріятельскому войску, произвелъ такое замѣшательство въ немъ, что сразу 12 тысячъ сдалось намъ.

За это государь наградилъ Кутузова графскимъ достоинствомъ, а нѣкоторое время спустя,

поручилъ ему заключить миръ съ турками. Кутузовъ и въ этомъ дѣлѣ вполнѣ оправдалъ довѣріе государя.

Онъ, благодоря своей особенной способности умно и убѣдительно говорить, заставилъ турецкое правительство уступить намъ по договору пять лучшихъ крѣпостей, не мало земли и заключилъ весьма выгодный миръ съ Турціей. Вся Россія радовалась этому миру, особенно въ виду начинавшейся войны съ Франціей.

Кутузовъ былъ любимцемъ войска, любимцемъ знаменитаго Суворова, который называлъ его своею правою рукою.

Не смотря на 67 лѣтъ, не смотря на потерю одного глаза, котораго лишился въ сраженіи, Михаилъ Иларіоновичъ имѣлъ еще довольно свѣжій и бодрый видъ.

Принимая начальство надъ всей нашей арміей въ такое тяжелое время и принужденный бороться съ такимъ сильнымъ врагомъ, какимъ былъ Наполеонъ съ своими несмѣтными полчищами, Михаилъ Иларіоновичъ глубоко чувствовалъ ту великую отвѣтственность, какую возлагали на него. Тѣмъ болѣе что по лѣтамъ своимъ онъ былъ, можно сказать, на краю могилы и боялся, какъ бы, въ случаѣ неудачи,

не получить упрекъ отъ своихъ современниковъ и потомства.

Но государь и народъ глубоко вѣрили ему. Отправляя его въ армію, Александръ I-й сказалъ: — Идите спасать Россію! — Народъ при проводахъ повторилъ почти тоже самое. Передъ отъѣздомъ на войну, Кутузовъ отправился въ Казанскій соборъ, чтобы помолиться за успѣхъ своихъ будущихъ дѣйствій. Народъ, возлагавшій всѣ свои надежды на него, тѣснился около стараго вождя и, когда онъ преклонилъ колѣна передъ иконой Богоматери, то всѣ послѣдовали его примѣру и молились со слезами и рыданіями. Послѣ молебствія протоіерей подалъ Кутузову небольшой образокъ Божіей Матери, который Михаилъ Иларіоновичъ тотчасъ надѣлъ на себя и, сопровождаемый криками народа:—Спаси Россію! — отправился на мѣсто военныхъ дѣйствій.

Августа 17-го онъ прибылъ въ Царево-Займище, гдѣ находилась главная квартира нашихъ армій.

Приближаясь сюда, онъ на каждомъ шагу встрѣчалъ печальные признаки разорительной войны. По дорогѣ безпрестанно попадались то помѣщики, бросившіе свои имѣнія, то крестьянскія

яне, тащившіеся съ своими ребятами, женами и разнымъ жалкимъ хламомъ.

Изъ толпы этихъ убитыхъ горемъ и разоренныхъ людей Кутузову не разъ слышалось: —Спаси насъ! Побей супостата!—

Михаилъ Иларіоновичъ явился въ лагерь просто, безъ всякой торжественности, не какъ главнокомандующій, а точно простой офицеръ: въ походномъ сюртукѣ и бѣлой фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. Войско радостно встрѣтило его.

„Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ“, говорили солдаты, и многіе при этомъ вспоминали, какъ они ходили подъ его начальствомъ на турокъ, и были увѣрены, что Наполеону не сдобровать теперь.

Барклай-де-Толли, свято исполняя волю Государя, тотчасъ передалъ начальство надъ войскомъ Кутузову и замѣтилъ, что онъ готовъ во всякомъ званіи служить царю и отечеству.

Принявъ армію, Кутузовъ ласково поздоровался съ солдатами и сказалъ какъ бы про себя: —Ну можно ли отступать съ такими молодцами!—

Вслѣдъ за этимъ разнесся слухъ, что въ это же время надъ нимъ взвился огромный орелъ, и это показалось всѣмъ хорошимъ предзна-

нованіемъ. Всѣ теперь одушевились, всѣ ждали битвы, потому что непріятель былъ весьма недалеко, но на слѣдующій день приказано было однако отступать, какъ отступали и при Барклай-де-Толли.

Кутузовъ лучше другихъ понялъ благоразумныя дѣйствія своего предшественника. Онъ видѣлъ, что въ войскѣ большой недочетъ, и отъ болѣзней, и отъ частыхъ стычекъ съ непріятелемъ, и считалъ отступленіе необходимымъ для того, чтобы выиграть и пополнить войско.

III.

На этотъ разъ отступали однако не долго Михаилъ Иларіоновичъ рѣшилъ для защиты Москвы дать большое сраженіе и послалъ офицеровъ отыскивать, по Московской дорогѣ, удобное мѣсто для этого.

Скоро ему донесли, что такое мѣсто находится при селѣ Бородинѣ, и Кутузовъ немедленно осмотрѣлъ его.

Бородино лежитъ въ восьми верстахъ отъ города Можайска и почти во ста верстахъ отъ

Москвы. Передъ самымъ селомъ, по направленію къ Москвѣ, дорога спускалась тогда подъ гору и пересѣкала рѣчку Войну, которая почти тутъ же впадала въ рѣчку Колочу, поворачивавшую за самымъ селомъ налѣво къ Москвѣ.

За селомъ большая дорога опять поднималась въ гору, а тамъ, не болѣе какъ на разстояніи версты, виднѣлась деревня Горки. Вправо отъ Горокъ чернѣлъ большой лѣсъ; подлѣ него ютилась деревня Утица, черезъ которую пролегала старая Смоленская дорога. Здѣсь, между Горками и Утицею, желтѣли выжатыя ржаныя поля, мѣстами чернѣлъ кустарникъ, виднѣлись яровые хлѣба. Вотъ каково было мѣсто, которое выбралъ Кутузовъ для того, чтобы сразиться съ непріятелемъ.

Едва наша армія успѣла придти къ Бородину, какъ вдали показалась несмѣтная сила французовъ, шедшихъ вслѣдъ за нашими войсками.

Кутузовъ расположилъ свои полки на пространствѣ въ восемь верстъ, по берегамъ рѣкъ: Войны, Колочи и Москвы до Бородина, а отъ Бородина по берегу рѣки Станцы. Такъ что правое крыло арміи упиралось въ Москву рѣку, а лѣвое доходило до Смоленской дороги

и примыкало къ лѣсу. Самая же средина, или центръ, приходилась какъ разъ противъ села Бородина.

Всего нашего войска вмѣстѣ съ 15 тысячами необученной арміи, почти не принимавшей участія въ дѣлѣ, было 120 тысячъ человѣкъ и 640 пушекъ, а у непріятеля 130 тысячъ самаго лучшаго, отборнаго войска и 587 пушекъ.

Французы очень обрадовались, замѣтивъ, что наше войско не отступаетъ наконецъ, и были увѣрены теперь, что цѣль ихъ желаній достигнута. Радость ихъ еще больше увеличилась, когда они узнали, что сосѣдняя рѣчка называется Москвою.

—Ну вотъ, конецъ войнѣ! Побѣда и славный миръ за ней! восклицали они радостно.

Наша армія, заслонявшая теперь собою Москву, устала отступать и также сильно желала боя. Многіе поглядывали въ ту сторону, гдѣ стояла наша первопрестольная столица, наша матушка-Москва, и это придавало имъ новыя силы, новую храбрость.

Наканунѣ битвы всѣ какъ-то прибрались, вычистили аммуницію, перемѣнили бѣлье, точно сбираясь на царскій смотръ, а не на битву, которая должна была унести десятки тысячъ человѣкъ. Наконецъ, въ полдень раздалось строй-

ное пѣніе священниковъ: — Заступница наша усердная,—и по лагерю понесли икону Смоленской Богоматери, взятую нашими войсками при выходѣ изъ Смоленска, передъ сдачей его французамъ.

Всѣ солдаты, бывшіе за минуту передъ тѣмъ грозными и шумными, разомъ смолкли и смиренно, съ благоговѣніемъ преклонили колѣна передъ иконой Заступницы. Сердца всѣхъ молившихся были переполнены теперь лишь однимъ желаніемъ: спасти отечество и удостоиться славной смерти за него.

Окончился день, за нимъ наступила темная, непроглядная ночь; въ обоихъ лагеряхъ запылали костры, а отъ нихъ появилось на небѣ багряное зарево, которое какъ будто предсказывало о томъ кровопролитіи, которое должно было произойти на землѣ.

Часовые наши ходили взадъ и впередъ, фуражные ѣздили, раздавая сѣно и овесъ; во кругъ каждаго костра сидѣли и лежали отдѣльныя кучки солдатъ, толковавшихъ о завтрашнемъ днѣ.—Во всемъ лагерѣ царствовала, можно сказать, благоговѣйная тишина въ эту памятную ночь. Никто не говорилъ о побѣдѣ, но всѣ готовились на смертный бой. За Бородинымъ у нашихъ воиновъ была Москва и за

ней вся Россія, впереди храбрый и многочисленный непріятель, выжженныя и разоренныя деревни. Все далеко невеселое, неутѣшительное! Въ лагерѣ же французовъ наканунѣ Бородинской битвы было совсѣмъ не то, что у насъ. Тамъ раздавались пѣсни, шли попойки, нѣкоторые изъ офицеровъ играли даже въ карты. Тамъ всѣ были убѣждены, что завтра отпразнуютъ свою побѣду надъ нами, всѣ только и думали о предстоящемъ торжествѣ и славѣ, и никому въ голову не приходила мысль о смерти, которая носилась надъ ихъ головами и на слѣдующій день уложила цѣлыя десятки тысячъ. Вотъ наступило и роковое утро 26-го августа. Съ разсвѣтомъ всѣ зашевелились. Наполеонъ потребовалъ себѣ лошадь и воскликнулъ:

—Пойдемъ отворять московскія ворота!

Затѣмъ онъ объѣхалъ армію, говорилъ войску о всей важности предстоящей битвы, обѣщалъ солдатамъ отдыхъ и хорошія квартиры въ Москвѣ, находилъ, что побѣда несомнѣнно будетъ на ихъ сторонѣ, но въ тоже время самъ былъ въ какомъ то особенномъ настроеніи. Онъ, то казался говорливымъ, веселымъ, то вдругъ дѣлался серьезнымъ и задумчивымъ, точно предчувствіе чего нибудь недобраго тяготило его.

У насъ съ разсвѣтомъ тоже всѣ засуетились. Кутузовъ еще разъ осмотрѣлъ мѣстность, спокойно разставилъ полки, просилъ командировъ беречь народъ и безъ особенной крайности не пускать въ дѣло резервы, то-есть запасные полки. Послѣ этого войску прочитали коротенькое воззваніе главнокомандующаго, гдѣ самымъ удачнымъ и самымъ воодушевляющимъ выраженіемъ было:—За нами Москва!

Вотъ послышались и первые выстрѣлы, со стороны французовъ упало первое ядро въ нашъ лагерь и послужило сигналомъ къ битвѣ.

Наши войска въ глубокомъ молчаніи двинулись по командѣ противъ враговъ, сопровождаемые напѣвомъ священниковъ: — Взбранной Воеводе побѣдительная, — которые въ полномъ облаченіи совершали молебствіе.

Полки русскіе, идя на смертный бой, набожно и съ благоговѣніемъ крестились, глядя на образъ Смоленской Божіей Матери, и для многихъ эта краткая молитва была послѣдней молитвой въ жизни.

Французы перешли со штыками черезъ рѣчку Колочу, вслѣдъ за этимъ раздался залпъ изъ нѣсколькихъ сотъ французскихъ пушекъ, на что наши отвѣтили тѣмъ же. И пошелъ страшный трескъ отъ пушечныхъ и ружейныхъ вы-

стрѣловъ. Часть непріятельскаго войска бросилась въ рукопашную на нашихъ, а густые клубы, сквозь которые прорывались снопы пламени, закутывали ихъ.

Очевидцы разсказывали, что ожесточеніе солдатъ въ началѣ битвы было такъ сильно, что многіе, побросавъ штыки и ружья, схватывались между собою, давили другъ друга въ объятіяхъ и падали мертвыми на землю.... Нѣкоторые полки до такой степени сдвинулись и перемѣшались между собою, что трудно было отличить своихъ отъ непріятеля. Однако непоколебимая стойкость русскихъ выдержала всѣ бѣшеные натиски враговъ, число которыхъ было гораздо значительнѣе.

Все войско во время сраженія стѣснилось на небольшомъ пространствѣ, занимавшемъ не болѣе версты, и всѣ точно спѣшили умирать; ядра теперь сталкивались между собою, пороховые ящики взлетали на воздухъ, крики командировъ и стоны умирающихъ смѣшались съ пальбой и барабаннымъ боемъ, и отъ всего этого разносился далеко, далеко какой то странный гулъ, похожій на раскаты грома. Необыкновенную, чудную и въ тоже время страшную картину представляло тогда Бородинское поле: надъ лѣвымъ крыломъ нашей арміи висѣло густое об-

лако дыма отъ выстрѣловъ и совершенно затемняло дневной свѣтъ, передъ центромъ арміи пылало село Бородино, залитое огнемъ, а правая часть нашихъ войскъ, или, лучше сказать, правое крыло было освѣщено яркимъ солнцемъ.

Вся земля на полѣ сраженія взмокла, напиталась кровью и почернѣла....

Ужасная, адская стрѣльба, начавшаяся съ разсвѣта, стала стихать лишь къ сумеркамъ, и только ночь прекратила этотъ ужасный бой. Какъ сильна была пальба на Бородинскомъ полѣ, можно судить по тому, что въ продолженіи полусутокъ одинъ только непріятель выпустилъ 60 тысячъ пушечныхъ зарядовъ и около полутора милліона пуль, которые уложили до 60 тысячъ нашего войска и слишкомъ 30 тысячъ лошадей.

Багратіонъ, храбро командовавшій ввѣренной ему частью войскъ, былъ смертельно раненъ; Барклай-де-Толли, появлявшійся съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, остался цѣлъ и невредимъ подъ градомъ пуль и картечи, не смотря на то, что подъ нимъ было убито и ранено пять лошадей.

Во французскомъ войскѣ были тоже не малыя потери: тамъ выбыло изъ строя болѣе 50 тысячъ человѣкъ и въ томъ числѣ 43 генерала.

Не смотря однако на эти страшныя потери, войска не сдѣлали ни малѣйшаго отступленія, и ни то, ни другое не считало себя побѣжденнымъ послѣ этой битвы.

Но вотъ наши войска только что успѣли немного придти въ себя послѣ этого отчаяннаго боя, какъ Кутузовъ приказалъ готовиться къ новому сраженію, которое онъ намѣревался дать на слѣдующій день.

При всей усталости, при всѣхъ понесенныхъ потеряхъ и почти вѣрной смерти, которая, можно сказать, у каждаго стояла за плечами, наши солдаты обрадовались извѣстію о сраженіи.

Каждому казалось теперь, что стоитъ только напасть на непріятеля еще разъ всѣми силами, и онъ принужденъ будетъ сдаться.

Впрочемъ позднѣе, когда были собраны болѣе точныя свѣдѣнія о числѣ убитыхъ въ нашей арміи, Михаилъ Иларіоновичъ нашелъ, что новое сраженіе невозможно, и приказалъ отступать къ Можайску.

Вечеръ былъ холодный, осенній, моросилъ мелкій дождь, дулъ рѣзкій вѣтеръ, и подъ его печальное завываньe командиры собирали уцѣлѣвшихъ солдатъ.

Многихъ, многихъ товарищей не досчитывались теперь, какъ солдаты, такъ и офицеры, и

утѣшались лишь тою мыслію, что подъ Москвой Кутузовъ снова сразится съ непріятелемъ и побѣдитъ его. Еще до разсвѣта русская армія оставила Бородино.

Такъ кончилась знаменитая Бородинская битва. Она унесла до 100 тысячъ человѣкъ въ обоихъ лагеряхъ и показала Наполеону, что этимъ сраженіемъ далеко не кончается, а только еще начинается война, и что его намѣренія сразить Россію однимъ ударомъ неосновательны и неисполнимы.

На утро онъ отправился съ своей свитой взглянуть на вчерашнее поле битвы и тамъ, куда онъ не смотрѣлъ, повсюду виднѣлись груды человѣческихъ и конскихъ труповъ. Валялись разломаные пороховые ящики, разбитые лафеты и различное оружіе, выпавшее, вѣроятно, изъ рукъ убитыхъ и смертельно раненыхъ.

Полуживые раненые, которыхъ не успѣли убрать, со стономъ теперь ползали по землѣ; между ними бродили голодные французскіе солдаты, отыскивая себѣ пищи въ ранцахъ убитыхъ товарищей.

Вся эта тяжелая картина: стоны умирающихъ, громадное количество труповъ, такъ глубоко потрясла Наполеона, что онъ повернулъ лошадь и черезъ нѣсколько минутъ съ грустію оставилъ

поле вчерашняго сраженія, приказавъ облегчить, на сколько возможно, послѣднія минуты умирающихъ.

Въ этотъ же день, убѣдившись, что русскія войска отступили, Наполеонъ приказалъ своимъ полкамъ тотчасъ слѣдовать за нашими и былъ вполнѣ увѣренъ, что подъ Москвой произойдетъ другое, еще болѣе ожесточенное сраженіе.

IV.

Чуть не половина нашей арміи положила свои головы на Бородинскомъ полѣ, и Кутузовъ не зналъ теперь на что рѣшиться: жертвовать ли другой половиной войска для Москвы, или пожертвовать Москвой для спасенія арміи. Находясь уже въ 35 верстахъ отъ Москвы, онъ писалъ главнокомандующему столицы, графу Ростопчину, что намѣренъ дать большое сраженіе, и отправилъ офицеровъ, какъ и передъ Бородинскимъ боемъ, отыскивать подходящее мѣсто для сраженія.

Между тѣмъ наши полки уныло подвигались

впередъ, недовольные тѣмъ, что имъ не пришлось еще разъ сразиться съ непріятелемъ, и утѣшая себя лишь мыслію о возможности предстоящаго боя По всему пути ихъ темныя, осеннія ночи освѣщались краснымъ заревомъ пожаровъ, потому что крестьяне, въ ожиданіи непріятеля, жгли свои деревни, скирды хлѣба, стоги сѣна, не желая чтобы ихъ добро попалось въ руки французовъ. 1-е сентября наша армія подошла наконецъ къ Москвѣ. Кутузовъ остановился въ деревнѣ Филяхъ, находящейся въ трехъ верстахъ отъ Доргомиловской заставы, и созвалъ на совѣтъ своихъ главныхъ генераловъ.

Долго они разсуждали, долго обдумывали, какъ быть: одни совѣтовали дать сраженіе подъ Москвой, другіе находили лучшимъ оставить Москву и отступить дальше.

Выслушавъ все это чрезвычайно внимательно, Кутузовъ всталъ со стула и сказалъ громко:—съ потерею Москвы Россія не потеряна. Я считаю первой своей обязанностью сохранять армію и соединиться съ войсками, идущими на подкрѣпленіе къ намъ.

— Такимъ образомъ, мы приготовимъ вѣрную гибель непріятелю и спасемъ армію. Я пройду Москвою и направлюсь съ войскомъ по Рязан-

ской дорогѣ. Знаю, что вся отвѣтственность въ этомъ случаѣ обрушится на меня, но жертвую собою для блага моего отечества. Приказываю отступать,— прибавилъ онъ немного дрогнувшимъ голосомъ.

Тяжело было Кутузову рѣшиться на это. Онъ хорошо зналъ, какъ подѣйствуетъ на каждаго русскаго человѣка вѣсть о томъ, что Москву отдали безъ боя французамъ, и самъ никакъ не могъ примириться съ мыслью, что матушка-Москва завтра же будетъ въ рукахъ Наполеона. Но дѣлать было нечего; другаго исхода для спасенія арміи, да и всего отечества, не находилъ Михаилъ Иларіоновичъ.

Грустно и задумчиво бродилъ онъ по избѣ, проводивъ своихъ сослуживцевъ-генераловъ и окончательно рѣшивъ, что сраженія не будетъ. Всю ночь напролетъ тосковалъ старый служака и нѣсколько разъ принимался даже плакать такъ горько, какъ никогда, можетъ быть, въ жизни не плакалъ. Жители Москвы до сдачи Смоленска и до Бородинской битвы хотя и сильно были встревожены войною, однако никто не трогался съ мѣста, и жизнь шла своимъ чередомъ. Но узнавъ, что наше войско все продолжаетъ отступать, москвичи заволновались и стали выбираться изъ столицы, куда кто могъ.

По улицамъ потянулись кареты, коляски, телѣги, нагруженныя разнымъ добромъ. Тѣ же, кто оставался въ Москвѣ, до послѣдняго дня утѣшали себя мыслью о предстоящемъ сраженіи, и многіе запаслись оружіемъ

Наконецъ, народъ собрался у Трехгорной заставы и ждалъ, что вотъ-вотъ Растопчинъ поведетъ ихъ на французовъ, но вмѣсто этого съ 1-го на 2-е сентября Кутузовъ далъ знать о своемъ намѣреніи оставить Москву и отступать дальше.

Это неожиданное извѣстіе всѣхъ невольно смутило, всѣ засуетились, всѣ заволновались. Оставшіеся жители стали выбираться вонъ, и на улицахъ произошла страшная суматоха. Одни толкались въ недоумѣніи, другіе тащили на возахъ и на рукахъ своихъ ребятъ, разные пожитки, и спѣшили къ заставамъ. Торговцы виномъ, водкой, пивомъ и разными съѣстными припасами спѣшили уничтожить все, что только возможно, изъ своихъ товаровъ, чтобы не оставлять французамъ.

Улицы, которыя вели къ Коломенской заставѣ, были просто запружены народомъ и проходившими полками. За войсками тянулись пушки, полковые обозы, коляски, фуры и телѣги. Наконецъ, въ восемь часовъ утра и самъ Куту-

зовъ проѣхалъ Москвою. Онъ казался теперь совершенно добрымъ и спокойнымъ, потому что былъ увѣренъ, что съ этой минуты война пойдетъ иначе, и французамъ придется плохо.

За Коломенской заставой Михаилъ Иларіоновичъ остановился, пересѣлъ въ дрожки и, опустивъ свою сѣдую голову на руку, долго-долго смотрѣлъ на Москву. Онъ ждалъ извѣстій оттуда о своихъ полкахъ, которые были оставлены тамъ, чтобы задержать на сколько возможно непріятеля.

Опустѣла въ этотъ день шумная Москва, немного осталось въ ней жителей передъ приходомъ Наполеона.

Подъѣхавъ къ Поклонной горѣ, французскій императоръ залюбовался нашей столицей: отсюда онъ прежде всего увидалъ ярко сверкнувшій передъ нимъ крестъ Ивана Великаго, затѣмъ громадные, массивные куполы кремлевскихъ соборовъ и, наконецъ,—множество зданій, тонувшихъ въ зелени садовъ.

Эта великолѣпная картина такъ поразила Наполеона, что онъ невольно остановился и долго, пристально смотрѣлъ на Москву, потомъ улыбнулся самодовольно и сказалъ:

—Теперь войнѣ конецъ: мы въ Москвѣ. Россія покорена мною, и я предпишу ей миръ

на такихъ условіяхъ, какія мнѣ будутъ угодны. А вы, воины, продолжалъ онъ, обращаясь исключительно къ солдатамъ,—повеселитесь здѣсь вволю и со славою вернетесь домой! Измученное и оголодавшее войско Наполеона чрезвычайно обрадовалось, услыхавъ слова императора и завидѣвъ золотыя маковки Москвы. Многіе изъ солдатъ бросились даже обнимать и поздравлять другъ друга съ благополучнымъ окончаніемъ ихъ долгаго похода.

Наполеонъ, между тѣмъ, ждалъ тутъ со всей своей свитой, что изъ города явятся къ нему всѣ власти, какъ это бывало обыкновенно въ другихъ завоеванныхъ имъ городахъ, гдѣ власти съ поклономъ и мольбою о пощадѣ и милости, выходили къ нему на встрѣчу, а за ними слѣдовалъ и народъ. Послѣ чего императоръ съ войскомъ торжественно вступалъ въ городъ, пользовался тамъ всевозможными удобствами, удовольствіями и кончалъ войну выгоднымъ для Франціи миромъ.

Но не такой пріемъ готовила Наполеону Москва! Онъ, прождавъ по пусту цѣлый часъ на Поклонной горѣ, приказалъ, наконецъ, выпалить изъ пушки и двинулся къ Дорогомиловской заставѣ, гдѣ ожиданія его тоже оказались напрасными, что было крайне досадно для него.

Онъ видимо сердился, сошелъ съ лошади, оглядывался по сторонамъ, мялъ въ рукахъ свой носовой платокъ и, потерявъ, наконецъ, всякое терпѣніе, отправилъ нѣсколько офицеровъ въ Москву съ приказаніемъ отыскать московскихъ властей. Но офицеры вернулись ни съ чѣмъ назадъ и донесли императору, что Москва пуста, жителей въ ней почти не видать, а власти всѣ повыѣхали.

Это извѣстіе сильно озадачило Наполеона и заставило его крѣпко призадуматься.—

Потолковавъ съ своими генералами, онъ скомандовалъ войску „впередъ", приказалъ гвардіи занять Кремль, а самъ съ нѣсколькими полками остался ночевать за заставой. Въ эту же ночь надъ Москвой вспыхнуло огромное зарево и разлилось по темному осеннему небу. Горѣло Замоскворѣчье и, такъ называемый, Китай-Городъ.

На утро Наполеонъ вступилъ въ Москву; онъ остановился въ Кремлевскомъ дворцѣ и, вмѣсто того, чтобы радоваться, какъ побѣдителю, печально смотрѣлъ изъ окна, какъ пожаръ, начавшійся еще наканунѣ, все болѣе и болѣе охватывалъ Москву.

Теперь горѣлъ Гостинный дворъ, Каретный

рядъ, и во многихъ другихъ мѣстахъ горѣли дома, лавки, магазины.

—Москва горитъ, говорилъ Наполеонъ, обращаясь къ своей свитѣ,—Русскіе сами зажгли ее, вотъ странный народъ!—

Къ полудню пожаръ еще болѣе усилился и достигъ Кремля, такъ что французскій императоръ съ трудомъ выбрался изъ него и отправился въ Петровскій паркъ, гдѣ и занялъ Петровскій дворецъ.

Почти трое сутокъ горѣла Москва, и за это время выгорѣло три четверти ея домовъ, большая же часть церквей была разграблена и даже разрушена.

Французскому войску пришлось теперь далеко не такъ хорошо, какъ оно предполагало и какъ обѣщалъ Наполеонъ, потому что съѣстныхъ припасовъ было мало, а отправляться за ними, хотя бы и за нѣсколько верстъ отъ Москвы, оказывалось опасно.

Народъ страшно ожесточился противъ французовъ особенно за то, что они позволяли себѣ жечь иконы и обращали церкви въ казармы. Повсюду стали собираться небольшіе отряды, которые, подъ командой храбрыхъ и опытныхъ офицеровъ, налетали на непріятеля при всякомъ удобномъ случаѣ и безпощадно преслѣдовали.

Эти, такъ называемые, отряды партизановъ почти заперли французовъ въ Москвѣ и навели на нихъ такой страхъ, что французскіе солдаты не иначе рѣшались отправляться за городъ на добычу, какъ подъ прикрытіемъ большихъ вооруженныхъ отрядовъ.

Изъ предводителей партизанскихъ отрядовъ особенно прославились: Фигнеръ, Давыдовъ и другіе.

Кромѣ того, на защиту вѣры и отечества поднялись донскіе казаки: по призыву атамана Платова тамъ вооружился и старъ и младъ, и двинулись на мѣсто военныхъ дѣйствій и тоже не давали покоя французамъ.

V.

Во время пребыванія въ Москвѣ, армія Наполеона сильно ослабѣла и разстроилась. Пожаръ Москвы, ожесточеніе народа и партизанскіе отряды почти лишили ее возможности добывать себѣ продовольствіе.

Французы питались, чѣмъ попало, и гибли

отъ разныхъ болѣзней. Кромѣ того, въ войскѣ началась неурядица, солдаты роптали на начальниковъ, роптали на Наполеона, что онъ, вмѣсто обѣщанныхъ удовольствій, заставилъ ихъ голодать въ Москвѣ, хотя онъ, какъ мы знаемъ, былъ совсѣмъ не виноватъ въ этомъ: Наполеону, привыкшему къ побѣдамъ, и самому было теперь не сладко, такъ что онъ при всемъ своемъ умѣ, при всей находчивости, не зналъ, что ему дѣлать. Заговаривалъ о мирѣ съ нашимъ императоромъ, грозилъ идти на Петербургъ, но отвѣта не было, угрозы его не дѣйствовали: государь сказалъ, что онъ ни за что не подпишетъ такого мира, который бы могъ унизить его подданныхъ, что онъ глубоко цѣнитъ ихъ преданность, ихъ пожертвованія и готовность служить на пользу и защиту отечества.

Между тѣмъ Кутузовъ, отступая передъ Наполеономъ, провелъ войско черезъ Москву и направился къ Рязани, но, сдѣлавъ два перехода, вдругъ повернулъ на Старую Калужскую дорогу. Онъ сдѣлалъ это для того, чтобы, въ случаѣ надобности, преградить путь непріятелю въ наши южныя губерніи, богатыя всякими запасами. 20 сентября Кутузовъ со всѣмъ войскомъ расположился у села Тарутина и рѣ-

шилъ не двигаться далѣе, желая, чтобы войско отдохнуло здѣсь и собралось съ силами.

Наполеонъ, прождавъ еще нѣсколько недѣль, снова послалъ къ Кутузову съ предложеніемъ о мирѣ, а Михаилъ Иларіоновичъ отвѣтилъ на это, что ему поручено только вести войну и не приказано произносить даже слово „миръ"; но, находя нужнымъ продержать французовъ еще нѣсколько времени въ Москвѣ, Кутузовъ прибавилъ, что доведетъ до свѣдѣнія государя о желаніи Наполеона. Однако, вмѣсто ожидаемаго отвѣта о мирныхъ переговорахъ, Наполеонъ вдругъ получилъ вѣсть, что часть русской арміи, недалеко отъ Тарутинскаго лагеря, напала на передніе отряды французскихъ полковъ, разбила ихъ и захватила много пушекъ.

Это извѣстіе ужасно встревожило Наполеона, тѣмъ болѣе что наши войска до сихъ поръ только оборонялись, а не нападали на французовъ, и онъ распорядился о немедленномъ выходѣ войскъ изъ Москвы. Приказъ этотъ былъ отданъ 6-го октября, а 7-го и самъ императоръ выѣхалъ изъ столицы, оставивъ тамъ лишь небольшой отрядъ солдатъ и одного генерала, которому было приказано взорвать Кремль, сжечь всѣ, уцѣлѣвшіяся отъ пожара,

хорошія зданія, за исключеніемъ воспитательнаго дома.

Приказъ этотъ былъ, конечно, исполненъ.

Ночью послышался страшный трескъ, запылалъ Кремлевскій дворецъ, арсеналъ и другія зданія. Часть кремлевской стѣны взлетѣла на воздухъ, но соборы уцѣлѣли, и повредилась немного только колокольня Ивана Великаго.

По выходѣ французовъ изъ сожженной и разгромленной Москвы, ее тотчасъ заняли донскіе казаки и стали водворять нѣкоторый порядокъ, а затѣмъ начали и жители возвращаться понемногу къ своимъ прежнимъ пепелищамъ. Благодаря страшному пожару, истребившему около половины всѣхъ зданій, многіе съ трудомъ только могли отыскать тѣ мѣста, гдѣ стояли ихъ дома, такъ какъ многія улицы и переулки были почти сплошь выжжены.

Кутузовъ, узнавъ о выходѣ французовъ изъ Москвы, заплакалъ съ радости и сказалъ:—Съ этой минуты Россія спасена!—

Оставивъ Москву, Наполеонъ сталъ отступать съ своей арміей. Онъ надѣялся пробраться къ Калугѣ тою дорогою, гдѣ села и деревни не были еще разворены войною и гдѣ, стало быть, его воско могло найти себѣ достаточно продовольствія. Но подъ Малоярославцемъ фран-

цузы встрѣтились съ русскими полками, и тутъ завязался кровопролитный бой, продолжавшійся 18 часовъ. Малоярославецъ нѣсколько разъ переходилъ отъ насъ къ французамъ и обратно, наконецъ, развалины его были отданы непріятелю.

Послѣ этой битвы, Наполеонъ свернулъ съ Калужской дороги на Смоленскую, думая, что здѣсь его армію не будутъ ужъ тревожить русскіе полки. Однако на дѣлѣ и тутъ оказалось не лучше. Наше войско безпрестанно нападало на его армію, то съ одной, то съ другой стороны. Кутузовъ разбивалъ большіе непріятельскіе отряды, отнималъ у нихъ обозы и орудія, да кромѣ того и холодъ давалъ себя сильно чувствовать французамъ, не имѣвшимъ ни порядочной обуви, ни одежды.

Армія Наполеона шла теперь, можно сказать, въ разбродъ, растянулась почти на пятьдесятъ верстъ и потерпѣла еще два сильныхъ пораженія. Одно при городѣ Вязьмѣ, другое при городѣ Красномъ. Здѣсь наши взяли въ плѣнъ 26 тысячъ человѣкъ и 116 пушекъ, что, конечно, очень ослабило Великую армію. Въ это же время усилились и морозы. Зима 1812 года была очень жестокая: въ первыхъ числахъ ноября стужа доходила уже до 20 градусовъ и

болѣе. И несчастные, полуодѣтые и полуголодные, французы, не привыкшіе къ такому холоду, умирали отъ него чуть не цѣлыми тысячами.

Наконецъ, на рѣкѣ Березинѣ, которая протекаетъ въ Минской губерніи и составляетъ одинъ изъ притоковъ Днѣпра, для арміи Наполеона пришла окончательная погибель.

Здѣсь соединилось три отряда нашихъ войскъ, и Наполеонъ боялся, какъ бы самому не попасть къ намъ въ плѣнъ. Однако, благодаря своей хитрости, онъ съумѣлъ провести нашихъ командировъ и приказалъ перекинуть мосты черезъ Березину въ томъ мѣстѣ, гдѣ наши вовсе не предполагали. Впрочемъ и это не помогло. Не успѣла еще и половина французскаго войска переправиться черезъ рѣку, какъ русскіе принялись палить въ нихъ изъ пушекъ и тѣснить съ боковъ и сзади. При этомъ произошло такое смятеніе у непріятеля, что и передать трудно.

Французы просто потеряли голову отъ неожиданности и отъ ужаса: артиллерія ихъ, конница, обозы и пѣхота смѣшались, стѣснилась на мостахъ и у мостовъ.

Многіе спотыкались, падали въ торопяхъ, попадали подъ лошадей, подъ колеса и тутъ

же были раздавлены. Смѣльчаки бросались вплавь черезъ рѣку, а нѣкоторые спѣшили перебраться по льду, но ихъ затирало черезъ нѣсколько минутъ льдинами.

Между тѣмъ наши ядра и картечь не переставали падать въ эту сплошную массу народа и убивали людей цѣлыми сотнями. Наконецъ, къ довершенію всег, оодинъ мостъ, черезъ чуръ уже запруженный орудіями и народомъ, рухнулъ вдругъ съ шумомъ въ воду, и въ одну минуту всѣ бывшіе на немъ погрузились въ сердитыя волны Березины.

Остававшіеся на лѣвомъ берегу бросились тогда къ другому мосту, но переходъ и тамъ былъ почти невозможенъ, такъ какъ зарядные ящики, стоявшіе близъ него, взлетали на воздухъ, испуганные лошади пронзительно ржали и въ безпорядкѣ бросались на мостъ, заграждая путь людямъ и сбивая ихъ съ ногъ.

Много еще горя и потерь испытали здѣсь французы, много тысячъ полегло ихъ на этомъ мѣстѣ, и кончилось тѣмъ, что изъ 600-тысячной арміи, перешедшей къ намъ черезъ Нѣманъ, послѣ Березинскаго перехода насчитывали не болѣе 10 тысячъ человѣкъ способныхъ, такъ сказать, носить оружіе, а остальные, которыхъ было тоже не Богъ вѣсть сколько, представля-

ли жалкую толпу, одѣтую въ какіе-то лохмотья и едва двигавшуюся отъ холода и голода.

Послѣ перехода черезъ Березину морозы еще болѣе усилились и почти окончательно уничтожили нашихъ враговъ.

Наконецъ, 23 ноября Наполеонъ рѣшился бросить жалкіе остатки своей Великой арміи, не доѣзжая до Вильно, и ускакалъ въ Парижъ. Послѣ него перетащились кое-какъ черезъ границу и оставшіеся солдаты, между тѣмъ какъ множество было взято нами въ плѣнъ, а остальные сложили свои головы на нашихъ поляхъ.

Узнавъ о бѣгствѣ Наполеона, государь поспѣшилъ въ Вильно, гдѣ видѣлся съ Кутузовымъ, крѣпко расцѣловалъ, его и благодарилъ за его успѣшные подвиги на войнѣ, которые были такъ полезны для отечества, и наградилъ истинно по царски.

25 декабря, въ день Рождества Христова, былъ объявленъ манифестъ, въ которомъ императоръ извѣщалъ Россію о побѣдѣ надъ Наполеономъ. Съ этихъ поръ наша церковь ежегодно празднуетъ въ этотъ день избавленіе Россіи отъ нашествія французовъ и двунадесяти народовъ съ ними. Во всѣхъ храмахъ совершаются обыкновенно благодарственныя молебствія съ колѣнопреклоненіемъ.

Въ память событія 1812 года и воиновъ, положившихъ свои головы на защиту отечества, государемъ тогда же было рѣшено соорудить въ Москвѣ храмъ Спасителя. И теперь этотъ храмъ представляетъ собою одно изъ лучшихъ зданій нашей первопрестольной столицы, какъ по своей громадности, такъ и по роскошной отдѣлкѣ снаружи и внутри.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служитъ и памятникомъ тяжелыхъ событій, пережитыхъ нашими дѣдами въ 1812 году, и учитъ насъ съ такою же любовію и преданностью, какъ они, стоять въ случаѣ нужды за царя и отечество.

Такъ кончилась наша отечественная война 1812 года. Правда, что она много причинила намъ горя и убытковъ, много уложила нашего войска, но и доказала за то всѣмъ, что русскіе умѣютъ не только воевать, а и побѣждать враговъ втрое сильнѣе себя.

Въ заключеніе нашего разсказа прибавимъ теперь нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Наполеона.

Покончивъ войну съ французами, покойный императоръ рѣшилъ избавить и прочія европейскія государства отъ притѣсненій и своевольствъ Наполеона. Поэтому онъ вскорѣ снова собралъ войска, поручилъ опять начальство

надъ ними славному своими военными подвигами Михаилу Иларіоновичу Кутузову и двинулъ ихъ къ Парижу, куда и самъ отправился.

Однако на этотъ разъ Кутузову не долго пришлось предводительствовать войскомъ. Силы измѣнили ему, и онъ скончался въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ небольшомъ нѣмецкомъ городкѣ Бунцлау.

Въ Іюнѣ тѣло его было привезено въ Петербургъ и погребено въ Казанскомъ соборѣ, при громадномъ стеченіи народа, который искренно оплакивалъ уважаемаго полководца *).

По смерти Кутузова война шла, конечно, своимъ чередомъ. Къ Россіи присоединились и прочія европейскія государства, какъ-то: Пруссія, Австрія, Англія и даже Швеція. Общими силами они заставили не только смириться Наполеона, но и отречься отъ престола. Бывшій императоръ принужденъ былъ теперь поселиться на островѣ Эльбѣ, недалеко отъ Франціи, и жить тамъ безвыѣздно.

Но и это несчастіе не измѣнило его властолюбиваго характера. Прошло не болѣе года, и Наполеонъ, узнавъ, что французы не совсѣмъ

---

*) Противъ Казанскаго Собора въ Петербургѣ поставлены памятники Кутузову и Барклай-де-Толли.

довольны своимъ новымъ королемъ, тайно отплылъ съ острова Эльбы снова во Францію, гдѣ нѣкоторые изъ его приверженцевъ встрѣтили съ восторгомъ своего бывшаго императора и готовы были опять стать подъ его знамены.

Но европейскіе государи, боясь новыхъ смутъ и войнъ Наполеона, поспѣшили съ громадной силой на помощь французскому королю, а Наполеона заставили вторично отречься отъ престола. Затѣмъ, съ общаго согласія, они отправили его на дальній и пустынный островъ святой Елены, гдѣ онъ и умеръ пять лѣтъ спустя.

Нашъ же покойный Императоръ за свое безкорыстное вмѣшательство въ дѣло Франціи и за водвореніе мира въ Европѣ получилъ названіе „Благословеннаго.“

КОНЕЦЪ.